

Ивашечка и ведьма

Худое было житье старику со старухой: век они прожили, а детей не нажили. Смолоду еще ничего; жили, друг другу помогали; состарились -- напиться подать некому... И тужат и плачут.

Пошел раз старик в лес за дровами, выбрал дерево, какое приглянулось, и только что замахнулся топором, вдруг говорит ему дерево человеческим голосом: "Подожди, добрый человек, не руби меня под корень, дай мне еще на белом свете постоять, на ясном солнышке погреться. Я твое горе знаю и в нем тебе помогу. Срежь ты с меня малую веточку, снеси домой, прикажи старухе ее в чистые пеленки укутать, новым свивальником обвить да в теплую золу под печку положить -- увидишь, что будет". Послушался старик дерева, сделал все по-сказанному.

Ночью сидят старик и старуха в избе, ждут: что из веточки будет. Вдруг зашевелилось что-то под печкой, и голосок слышится: "Батюшка, матушка, выньте меня отсюда!" Поглядела старуха под печку, а там мальчик лежит, в пеленочках завернут, да такой славный -- настоящая ягодка. Уж как сынку старики обрадовались, и сказать нельзя. Назвали его Ивашечкой и стали беречь-растить.

Растет Ивашечка, подрастает, в разум приходит. Как стало ему семь годков, говорит он отцу: "Сделай мне, батюшка, челночок да весельце: буду я по озеру плавать, вам рыбку ловить". "Куда тебе, ты еще мал, утонешь чего доброго!" -- Нет, не утону, пусти". Сделал ему старик челночок да весельце, старуха надела на сына белую рубашку с красным поясом -- и отпустили. Вот Ивашечка сел в свою лодку и стал приговаривать: "Челночок-челночок, плыви от берега дальше. Челночок-челночок, плыви от берега дальше!" Челнок и поплыл -- далеко-далеко.

В воскресенье пришла старуха на берег и стала кликать Ивашечку:

"Ивашечка, мой сыночек, плыви-плыви к бережочку! Я, мать, пришла, тебе есть принесла. Принесла тебе есть-пить, чистую рубашечку переменить!"

Услыхал Ивашечка материн голос и стал приговаривать: "Челночок-челночок, плыви к берегу ближе: это матушка зовет!" Приплыл челнок к берегу, старуха Ивашечку накормила, напоила, чистую рубашечку с красным поясом на него надела и опять за рыбкой отпустила.

На другую неделю старик пришел к берегу и зовет сына: "Ивашечка, мой сыночек, плыви-плыви к бережочку! Я, отец, пришел, тебе есть принес.

Принес тебе есть-пить, чистую рубашечку переменить!" Услыхал Ивашечка отцов голос и стал приговаривать: "Челночок-челночок, плыви к берегу ближе:

это меня батюшка зовет!" Челнок приплыл к бережку; старик забрал рыбу, что Ивашечка наловил, напоил-накормил сынка, переменял ему чистую рубашку и отпустил опять ловить рыбу.

Ведьма видит, что так Ивашечку не обманешь, побежала к кузнецу:

"Кузнец-кузнец, -- говорит, -- скуй мне такой голосок, как у Ивашкиной матери; а не то я тебя съем". Испугался кузнец, нечего делать: сковал ведьме такой голосок, как у Ивашечкиной матери. Ведьма прибежала к берегу, спряталась в кустах и давай кликать Ивашечку точь-в-точь таким голоском, как у его матери:

Ивашечка, мой сыночек, плыви-плыви к бережочку! Я, мать, пришла, тебе есть принесла. Принесла тебе есть-пить, чистую рубашечку переменить!"

Ивашечка обознался, приплыл к берегу, а ведьма выскочила, схватила его, сунула в мешок и помчала к себе домой.

Пришла ведьма домой и приказывает своей работнице, Аленке: "Истопи печь да жарь мне Ивашку хорошенько, а я пойду по делу".

Вот Аленка истопила печь жарко-жарко, взяла лопату, на которой хлеба в печь сажают, и говорит Ивашечке: "Ну, ложись на лопату!" Ивашечка лег поперек лопаты -- нельзя Аленке его в печь сунуть.

"Не так, глупый: ты вдоль ляг!" Ивашечка лег вдоль, да ногами в устье печки уперся -- опять нельзя Аденке его всунуть. "Эх, опять не так!" -- "Да я мал еще, не знаю, как тебе нужно, -- говорит Ивашечка. -- Ты сама мне покажи". --

"Хорошо, показать недолго!" Легла Аленка вдоль лопаты, ноги вытянула, руки сложила; а Ивашечка -- шмыг ее в печь, заслонкой закрыл, лопатой заслонку припер. Сам вышел из ведьминого дома, запер двери, залез на высокое-высокое дерево, на самую верхушку, и сидит.

Воротилась ведьма домой, стучится, никто ей не открывает. "Ишь, -- говорит, -- ушла лентяйка из дому; наверно, где-нибудь теперь с подругами болтается!"

Влезла ведьма в окошко, отворила изнутри дверь, накрыла стол, вынула жареную Аленку из печи -- и давай есть. Елаела -- всю Аленку съела; потом вышла на лужок и стала на травке валяться да приговаривать:

"Покатаюся-поваляюся, Ивашкиного мяса поевши!" А Ивашечка ей с дерева: "Покатайся-поваляйся, Аленкиного мяса поевши!" "Что это, будто меня кто переговаривает?" -- говорит ведьма. Поглядела туда-сюда -- нет никого. Опять давай валяться по травке: "Покатаюся-поваляюся, Ивашкиного мяса поевши!" А Ивашечка с дерева опять ей: "Покатайся-поваляйся, Аленкиного мяса поевши!"

Перестала ведьма кататься, прислушалась, посмотрела туда-сюда. Глядь, а на дереве Ивашечка сидит. Так и взвыла она со злости, заскрипела зубами и бросилась грызть дерево, на котором Ивашечка сидел. Грызлагрызла-грызла -- передние зубы выломала. Побежала к кузнецу: "Кузнец-кузнец! Скуй мне

железные зубы, а не то я тебя съем!" Что кузнецу делать? Сковал он ей железные зубы. Прибежала ведьма к дереву, впилась в него железными зубами: зашаталось, затрещало дерево.

Сидит, Ивашечка ни жив, ни мертв -- вдруг видит: летит стая гусей. Взмолился он, стал их упрашивать: "Гуси мои, лебедушки! Возьмите меня на крылышки! Отнесите к отцу, к матери: там вас накормят-напоят!" "Ка-га! -- говорят гуси. -- Пусть тебя задние возьмут!"

А ведьма грызет -- только щепки летят, дерево трещит, шатается. Летит другая стая гусей. "Гуси мои, лебедушки! -- молит их Ивашечка. -- Возьмите меня на крылышки! Отнесите к отцу, к матери: там вас накормят-напоят!" -- "Ка-га! -- говорят гуси. -- Пусть тебя отсталый гусенок возьмет!"

Не летит отсталый гусенок, а дерево совсем уж перегрызено, вот-вот повалится. Остановилась ведьма отдохнуть, глядит на Ивашечку, облизывается. Вдруг летит отсталый гусенок, чуть крылышками машет. Взмолился к нему Ивашечка: "Ой ты, гусек-лебедь мой! Возьми меня на крылышки, отнеси к отцу, к матери: там тебя досыта накормят, холодной водицей напоят!" Пожалел гусенок Ивашечку, подхватил его на крылья и полетел с ним вместе.

Прилетел гусенок к Ивашечкиному дому и опустился на крышу. А старуха в то время блинов напекла; сидят они со стариком, сынка Ивашечку поминают. "Это тебе, старик, блин, а это мне! Это -- тебе, а это -- мне; это -- тебе, а это -- мне", -- говорит старуха. "А мне?" -- отозвался Ивашечка. "Это тебе, старик, а это -- мне..." -- "А мне?" -- "Посмотри-ка, старик, кто это там на крыше отзывается". Вышел старик, глядь: а на крыше Ивашечка сидит, живой, здоровый. Обрадовались ему отец с матерью так, что и рассказать нельзя. И стали они жить-поживать, добра наживать. А отсталого гусенка отпоили, накормили, на волю пустили. С той поры начал он широко крыльями махать, впереди стаи летать. И теперь живет-поживает, Ивашечку вспоминает.